А. А. Пауткин

«ПОВЕСТЬ ОБ ОСЛЕПЛЕНИИ ВАСИЛЬКА ТЕРЕБОВЛЬСКОГО» КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И СТРУКТУРА ЛЕТОПИСНОЙ СТАТЬИ 6605 ГОДА

I. Историко-литературное значение так называемой «Повести об ослеплении Василька Теребовльского» признается исследователями с давних пор. Очевиден и особый дар повествователя, создавшего на рубеже XI — XII вв. это произведение, включенное под 1097 г. в состав «Повести временных лет»[1]. М.Д. Приселков справедливо полагал, что автор, поведавший о злоключениях Василька Ростиславича, «по своему художественному таланту среди своих современников — русских писателей XI в. — занимает, конечно, самое первое место… не имеет соперников среди современных ему писателей не только русских, но и европейских. Описание ослепления Василька можно смело назвать памятником мировой литературы XII в.»[2]

Автором обличения княжеской распри, возникшей сразу же после Любечского съезда, традиционно считают Василия, человека близкого к жертве политического преступления. Суждения о том, кем был этот книжник, противоречивы. Так, А. А. Шахматов, называя этот «полный жизни» рассказ одним из источников летописи, считал, что его создатель был духовником теребовльского князя. По его мнению, тезка сопровождал своего господина в Любеч, а затем был отправлен с обозом из Киева, прежде чем свершилось кровавое преступление[3]. Б. А. Рыбаков, напротив, видел Василия «одним из приближенных Святополка, но державшим руку Мономаха»[4]. Так или иначе, автора повести стали именовать «попом Василием», хотя прямых указаний на его духовный сан в тексте нет[5]. Однозначно можно лишь утверждать: обличительное произведение написано сторонником Мономаха, прекрасно осведомленным и оказавшимся в центре княжеской распри.

Главным участникам событий 1097 г. суждено было еще долгое время влиять на политический климат Руси. Василько Ростиславич прожил в слепоте более четверти века, намного пережив своих мучителей[6]. Его обидчик Давыд Игоревич умер 25 мая 1112 г., а Свято-

полк Изяславич, правивший в Киеве почти 20 лет, скончался 16 апреля 1113 г. В конце летописной статьи 6605 г. сообщается о том, что инициатор преступления Давыд Игоревич получил в держание Дорогобуж, где и умер. Сын же Святополка Изяславича Ярослав сел во Владимире Волынском. На приписку, свидетельствующую об осведомленности автора о событиях 1100 г. (съезд в Уветичах) и 1112 г. (дата смерти Давыда Игоревича), обратил внимание А. А. Шахматов. На этом основании он отнес работу Василия ко времени после мая 1112 г.

Драматичное описание самого преступления, бесспорно принадлежащее перу Василия, тоже содержит фразу, свидетельствующую о том, что перед читателем некое припоминание о минувшем: «Есть рана та Василке и ныне» (I,261)[7]. Помета «ныне», к сожалению, мало конкретна и позволяет лишь предположительно усматривать продолжительную хронологическую дистанцию между ослеплением и его описанием. Ее обычно определяют в полтора-два десятилетия. Различаясь в деталях, рассуждения медиевистов сходятся в главном: Василий работал примерно в период с 1112 г. по 1118 г. По мысли И.П. Хрущова, появление «сказания» относится к промежутку 1112—1117 гг.[8] Эту точку зрения разделял уже в XX в. А.Г. Кузьмин. Правда, он относил включение «сказания» в летопись «к более позднему времени»[9]. По А.А. Шахматову это 1112—1116 гг., М.Д. Приселков считал, что Василий трудился между 1113 и 1116 гг. и его текстом воспользовался Сильвестр, «затмив» им в ПВЛ известия, принадлежащие перу Нестора.[10] Ссылаясь на мнение предшественников[11], А.С. Демин замечает: «Повесть «со значительными поздними редакторскими изменениями вошла в ПВЛ в 1116—1118 гг. или немного позже»[12]. И.П. Хрущов и М.Д. Приселков полагали, что описание преступления было сделано со слов самого теребовльского князя.

Очевидно, рассказ об ослеплении Василька Теребовльского появился в составе ПВЛ не раньше, чем власть в Киеве перешла в руки Владимира Мономаха. А вместе с ней возникла возможность влиять на процесс летописания. Владимир был если не прямым заказчиком, то лицом, заинтересованным в определенном освещении событий. Иными словами, то, что вошло окончательно в состав летописной статьи 6605 г., не могло не получить одобрения в кругах, близких к киевскому правителю. Ко времени восшествия Владимира Всеволодовича на Киевский стол политические страсти, связанные с событиями 1097 г., постепенно улеглись, но заступничество Мономаха за теребовльского князя не утратило своей важности. Прошедшие 15 лет — срок немалый для того, чтобы забылись подробности, которы-

ми удивляет рассказ Василия. Поэтому вполне логичным представляется предположение о наличии каких-то записей, сделанных Василием по горячим следам и впоследствии обработанных во втором десятилетии XII в. Так, А. А. Шайкин говорит о «дневниковых описаниях», подобных «дневникам игумена Даниила»[13], а Б. А. Рыбаков упоминал о некой «протокольной записи злодеяний» Святополка Изяславича[14]. Тезис о неоднократном обращении к тексту, поэтапности его сложения представляется плодотворным. В недавнее время А. А. Гиппиусом с подобных позиций было проанализировано «Поучение» Владимира Мономаха, соседствующее в Лаврентьевском списке с рассматриваемым повествованием[15].

Своеобразие «Повести об ослеплении Василька Теребовльского» постоянно привлекает внимание исследователей, констатирующих, что ее создатель «не пошел по пути агиографической литературы»[16], отмечающих своеобразную «несредневековость» ее поэтики[17]. На этом пути неизбежно возникает сложный вопрос о том, может ли быть поставлен знак равенства между самой повестью, атрибутируемой Василию, и текстом всей летописной статьи 6605 г. А. А. Шахматов, а позднее М. Д. Приселков усматривали лишь фрагментарное присутствие труда Василия в составе ПВЛ. Называя разное число этих отрывков, исследователи справедливо подчеркивали сложный состав летописной статьи. О. В. Творогов в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» лаконично сформулировал подобное утверждение, говоря о повести, «вошедшей в состав статьи 1097 г.»[18].

Попробуем дать свое объяснение феномена знаменитой древнерусской повести, обратив внимание на отдельные аспекты ее структуры и культурные импульсы, проявившиеся при ее формировании.

II. Летописная статья 6605 г. обычно рассматривается как яркий пример сюжетного повествования периода становления древнерусской литературы. При этом отмечается особый динамизм рассказа о междоусобице, ведь средневековый автор сумел извлечь из хаоса протяженной во времени распри материал для весьма убедительного произведения, получившего, судя по всему, отклик у современников. Значительно реже затрагивается еще одно существенное свойство, являющееся фактором, во многом определяющим историко-литературное значение повести, — обилие в ней прямой речи. Летописи богаты разнообразными примерами ее использования. Но в данном случае перед нами качественно иной уровень передачи устного слова, демонстрация особого мастерства в использовании диалогов и монологов участников событий.

Н. И. Либан в одной из своих лекций, характеризуя этот летописный рассказ, употребил достаточно неожиданное, но вполне уместное определение — «шекспировская страница»[19]. Кипение страстей, коварство преступников, роковые поступки князей и сегодня поражают читателя. Действительно, за пятьсот лет до великого британца Киевская Русь предложила сюжет, достойный его исторических хроник. Однако данную исследователем емкую формулу можно толковать и в несколько ином ключе. К этому фрагменту ПВЛ вполне может быть отнесено замечание В. О. Ключевского, сделанное по поводу более позднего летописного повествования середины XII в.: «Под пером летописца… все без умолку говорит: он не просто описывает события, а драматизирует их, разыгрывает перед глазами читателя»[20]. Многие эпизоды повести отразили моменты общения людей различного социального положения и возраста. Василий активно использовал устную информацию и собственные впечатления. Подчас диалоги, чередующиеся реплики замещают собой нарративный материал. Здесь нет ничего случайного, каждое высказывание важно с точки зрения общего замысла и речевого раскрытия участников междоусобицы. Вообще в рассматриваемом повествовании немного безмолвствующих персонажей. Будучи свидетелем и «послухом», памятливый обличитель владел огромной информацией, значительная часть которой вошла в его труд именно в форме прямой речи. Вот почему возникает эффект некоего драматического представления, о котором писал В. О. Ключевский. Древняя традиция чтения вслух должна была лишь усиливать подобное впечатление. Б. А. Рыбаков полагал, что повесть сначала была зачитана на Витичевском съезде князей в 1100 г. и лишь после этого оказалась достоянием летописи[21]. Возможно, столь необычная подача исторической информации закреплялась потребностью своеобразного озвучивания «по ролям» некогда услышанного. При публичном оглашении обличительного сочинения каждое слово и реплика приобретали особую цену и значимость. Устная речь превращалась под пером Василия в существенный аргумент обвинения злодеев, нарушивших крестоцелование[22]. С этой точки зрения недостаточно зафиксировать только сам поступок того или иного князя. Куда важнее напомнить его, казалось бы, уже забытые всеми слова.

В этом отношении заметно определенное сходство с летописным повествованием второй половины XII. о боголюбовском заговоре против Андрея Юрьевича. Фрагмент, связываемый исследователями с именем Кузьмищи Киянина, судя по всему, играл аналогичную роль при последующем расследовании преступления. Вовлеченность Кия-

нина в июньские события 1174 г. стала причиной проникновения и в его рассказ значительного пласта разговорной речи.

Прямая речь занимает примерно 45% объема всей пространной статьи 6605 г. Показательно, что и в миниатюрах Радзивиловской летописи сохраняется та же пропорция. Из двух десятков рисунков, относящихся к этому сюжету, половина изображает беседы тех или иных участников драмы.

Правдивые слова и ложь не раз противопоставляются в рассматриваемом повествовании: «Беша бо ему рекли яко… и солгаша ему» (I, 269); «сего есмъ не молвилъ» (I, 265). Само преступление коренится в лживом слове. Расчетливый наговор — источник кровавых событий. Обманом Святополк Изяславич и Давыд заманили свою жертву в западню, столь же неискренни их оправдания в стремлении переложить вину с себя на другого. Все повествование призвано опровергнуть, разоблачить ложные наветы и измышления. Теребовльский же князь, по мысли автора, напротив, правдив и даже прямодушен, его слова звучат вполне искренне. Любопытно, что истинные зачинщики злодейства, впервые сформулировавшие идею посягательства на Теребовльского князя, безгласны, до поры даже неведомы читателю. Эти «злые мужи» — своеобразные «внесценические персонажи», лишь в финале они обретут имена и подвергнутся жестокой каре, вызывающей осуждение у летописца.

Стремясь зафиксировать услышанное, Василий включил в свое повествование разнообразные виды речений (просьбы, уговоры, требования, приказы, упреки, порицания, клятвы, предупреждения, покаяния, оправдания, предсказания и т.д.). Все это наряду с указаниями на эмоциональное состояние говорящего (напр., «со слезами», «всплакавъ и рече», «плакастася рекуще»[23]) придает тексту дополнительную психологическую убедительность. В.В. Кусков на примере кульминационного эпизода ослепления жертвы отмечал определенную ритмизацию, которая «создается анафорическим повтором соединительного союза *и*»[24]. Модель «*и* — глагол» — излюбленная синтаксическая конструкция повествователя, десятки раз представленная в рассматриваемой летописной статье. Нередко с ее помощью бывает охарактеризована коммуникативная ситуация, зафиксирована поза, жест, телесное движение говорящего: «и седоша и нача глаголати» (I, 259); «и поседевъ Давыдъ мало рекъ» (I, 259); «и вставъ Давыдъ рече» (I, 259); «и пощюпа сорочкы и рече» (I, 261); «и всплакавъ и рече» (I, 262); «и се имъ глаголющимъ разидошася» (I, 263); «посадивъ мя и рече ми» (I, 265); «и седе со мною и нача ми глаголати» (I, 266). Внимания достоин лишь знаковый жест,

сопряженный с высказыванием. Он несет дополнительную информацию, подчеркивает важность или правдивость произносимых слов (напр., «прекрестися рекъ» — I, 259).

Летописная статья 6605 г. донесла высказывания публичные и конфиденциальные, этикетные и интимно-исповедальные. В одном повествовании сосредоточено несколько видов официальных речей. Это коллективные обращения группы князей или слова, произнесенные конкретным правителем в соответствии с традициями светского красноречия. Так, решение Любечского съезда представлено в форме обращения всех князей («глаголаше к собе рекуще…» — I, 256). Неоднократно заключаемые договоры сопровождались крестоцелованием (вскоре, впрочем, нарушаемым). Важнейшие фрагменты крестоцеловальных речей тоже вошли в летописную статью.

Слова Василька Ростиславича, вздымающего крест перед битвой на Рожни, обличающие клятвопреступников, можно оценивать как необычную воинскую речь. Обращаясь к своему противнику Святополку, Василько одновременно укрепляет веру в победу, его слышат и видят все дружинники. С другой стороны, монолог находящегося в плену теребовльского князя содержит фразу, восходящую именно к воинским речам, произносившимся князьями перед боем: «Да любо налезу собе славу а любо голову свою сложю за Русскую землю» (I, 266). Особую и наиболее многочисленную группу составляют речи дипломатические.

Нельзя не заметить, что фиксирование высказываний современников для Василия еще и прием построения произведения. В его тексте обильным словоизлияниям участников распри противостоят эпизоды, которые можно назвать «зонами безмолвия». И прежде всего, это описание самого ослепления, зловещих приготовлений к нему. Палачи не произносят ни слова, нем и Василько Ростиславич («яко и мертв»). Автор специально подчеркивает затруднения в общении с ничего не подозревающей жертвой, которое испытывают Святополк и Давыд. Они не отвечают на вопросы гостя, говорят невпопад (Давыд сидит «аки немъ»; «и не бе в Давыде гласа» — I, 259). Безусловно, подобные контрасты «велеречивости» персонажей и их зловещего молчания возникают в повествовании Василия неслучайно.

Как известно, монологическая речь в древнерусских произведениях чаще всего оказывается плодом фантазии самого книжника. Вымышленную речь выдают обязательные этикетные элементы и традиционная риторика. Ее появление в историческом повествовании продиктовано чисто литературными задачами. С особой наглядностью это прослеживается при передаче летописцем внутреннего мо-

нолога героя («рече к собе»; «рече въ сердце» и т. д.). Таковы, например, молитвенные обращения и покаянные речи. В тексте летописной статьи 6605 г. трудно обнаружить что-то подобное. Даже покаянные слова жертвы вполне реальны, они обращены к самому автору. Перед читателем раскрываются все бытовые обстоятельства, сопровождающие произнесение этого страстного монолога. Удален слуга, слепец просит тезку остаться, сесть рядом и послушать. Именно в этой части текста рассказ о событиях ведется от первого лица. Ночной монолог заточенного во Владимире Волынском теребовльского князя — яркая самохарактеристика человека конца XI в., высказывание, чудом сохранившееся, скорее вопреки законам средневековой книжности. Слова Василька Ростиславича представляют собой самую пространную и одновременно наиболее сложно организованную реплику, где отразилась целая буря чувств — от раскаяния в прежних прегрешениях и гордыне, жалобы на судьбу до твердой уверенности в собственной невиновности и правоте. Здесь заметно проявление различных речевых стратегий. «Поведаю ти поистине»; «и рекохъ в уме своем»; «реку брату своему»; «клянуся Богом».

Как уже отмечалось, в свое время высказывалось предположение о том, что создатель повести был духовником теребовльского князя. Так объяснялась его осведомленность, доверительный характер общения с ним жертвы заговора. Думается, сознательное нарушение Василием тайны исповеди (ночной разговор во Владимире Волынском), пусть даже и с благой целью, едва ли возможно. Иначе выглядит в данном случае рассказ участника дипломатической миссии, элементом которой неожиданно стала откровенная беседа с узником. Тогда использование столь важного эпизода при создании текста, претендующего на особую документальность, не только уместно, но даже необходимо. Тем более что все услышанное автором от самой жертвы одновременно подтверждало невиновность теребовльского князя и обеляло Владимира Мономаха, оклеветанного после Любечского «снема» Давыдом Игоревичем.

Ростиславичи дважды жестоко мстили обидчикам. Осадив Всеволож, они сожгли город, убивали неповинных жителей, бегущих от огня, а затем уже во Владимире казнили Василия и Лазаря — злых советчиков Святополка и Давыда. Эти поступки вызывают прямое осуждение летописца. Легко заметить очевидный контраст между оправдательной речью слепца, услышанной автором в Великий Пост, и описанием кровавой расправы, чинимой тем же человеком после Пасхи. Теребовльский князь наказан за гордыню, так он сам понимает ниспосланные ему страдания: «За мое вънесенье низложи мя Богъ и

смири» (I, 266). Спустя же несколько месяцев все выглядит иначе: «И повеле Василко исечи вся» (I, 267). Что это: простая констатация греховного несовершенства человека, противоречивости его поступков или соединение сводчиком источников, по-разному оценивавших фигуру Василька Ростиславича?[25]

Подводя промежуточный итог, заметим, что в своей заключительной части летописная статья 6605 г. постепенно утрачивает отмеченные признаки, во многом определяющие ее уникальный для своего времени облик и место в составе ПВЛ. Речевая активность многочисленных ее героев явно угасает. Последствия княжеской распри передаются в гораздо более привычной летописной манере, когда отражаются лишь сами происшествия и перемещения воюющих владетелей городов и земель. Тут прослеживаются иные соотношения прямой речи и нарратива, она оказывается лишь вспомогательным материалом при создании традиционного исторического повествования.

III. Пространственно-временные представления, отраженные в древнерусской книжности, не раз становились предметом рассмотрения в трудах медиевистов. При этом помимо выявления общих закономерностей средневекового мировоззрения предпринимаются попытки продемонстрировать специфику конкретных памятников и даже их фрагментов [26]. Хронотоп летописной повести, «порожденной самой исторической жизнью — феодальными раздорами князей» [27], заслуживает особого внимания.

Пространство, на котором разворачиваются события после Любечского съезда, огромно. В тексте упоминается около трех десятков городов и земель. Участники драмы сходятся и разъезжаются, объединяются в мимолетные коалиции, перемещаются из одного города в другой, отправляют друг другу послов и даже бегут, опасаясь врагов, в чужие пределы. Все это создает впечатление постоянного движения по просторам от Днепра до Карпат. Пространство это, «открытое» к западу, имеет своеобразные ограничения с северной, южной и восточной сторон. На левом берегу Днепра только однажды упомянуты Любеч, Чернигов и Городец. Даже Переяславль, центр, игравший столь важную роль в борьбе князей за киевский стол, отсутствует. Ряд правителей, принимавших активное участие в междоусобице, владел землями, совершенно не заинтересовавшими летописца. Так, вне зоны его внимания оказались Новгород, Смоленск, Полоцк, Муром, Рязань, Суздальская земля и Тмутаракань, хотя владетели этих территорий не были изолированы от конфликта. Полнее всего представлены западные города, не входившие в границы традиционно понимае-

мой Русской земли[28]. Это же можно сказать о реках, изредка упоминаемых летописцем (напр., Буг, Вагр, Сан).

Чаще других упоминается Владимир Волынский (около двух десятков раз), тогда как Киев — всего восемь. В числе «лидеров» оказались Луческ (6 упоминаний) и Берестье (5). Спорная же вотчина Василька Ростиславича — Теребовль упомянута лишь трижды, столько же, сколько Перемышль и Пинск. Куда настойчивей летописец говорит о земле Польской (6). А вот словосочетание «Русская земля» весьма частотно (более полутора десятков упоминаний), хотя больше всего военных столкновений, порожденных преступлением, произошло за ее пределами. При этом о Русской земле практически всегда говорится в официальных речах самих князей и их дипломатических посланцев. Это понятие — этикетное, предмет высокой риторики и самооправданий удельных владетелей.

Повесть не дает информации (за исключением, конечно, исповеди самой жертвы) о том, имелись ли реальные основания у Святополка Изяславича и Давыда Игоревича бояться послелюбечского сговора Василька Теребовльского с Владимиром Мономахом. Некоторые историки выражали сомнения по поводу абсолютной беспочвенности подобных опасений[29]. В связи с этим обращает на себя внимание довольно странный путь теребовльского князя, возвращающегося восвояси из Любеча. С одной стороны, он спешит домой, опасаясь войны с поляками, но при этом все-таки оказывается в Киеве. Более того, Святополк и Давыд вместе быстро вернулись в Киев, тогда как Василько двинулся другим путем, по левому берегу Днепра, и переправился уже около Выдубицкого монастыря. На Днепре напротив обители находился остров, что облегчало переправу, особенно в осеннюю пору. Скорее всего, он уходил со съезда вместе с Мономахом, возвращавшимся в Переяславль, и покинул его чуть южнее Киева. Такой крюк на пути в свою вотчину на Волыни теребовльский князь мог сделать не только движимый желанием помолиться в Михайловском монастыре, бывшем «семейным монастырем Мономаха»[30]. Заметим, что Владимир Всеволодович в этой части повести вообще не упоминается. Его перемещения после съезда остаются «за кадром».

О том, что история злоключений Василька написана не киевлянином и не в Поднепровье, можно заключить на основании двух следующих моментов. Автор счел необходимым пояснить, где находится Белгород, в котором совершилась сама расправа (это город в десяти верстах от Киева). Но в то же время читателю должно быть само собой ведомо, где помещается «двор Вакеев» — место заточения ослепленного князя после его доставки во Владимир Волынский. Что

это за усадьба, почему она так именуется и в связи с чем избрана в качестве темницы, — автор не сообщает. Судя по всему, его земляки не нуждались в дополнительных комментариях.

Таким образом, Владимир Волынский — своеобразный центр притяжения в рассматриваемом повествовании. Там оказывается в заточении ослепленный князь, там же одновременно с ним находится и сам автор, неожиданно заговоривший с читателем от первого лица.

«Повествовательная карта» летописной статьи 6605 г. не имеет единого масштаба. Эта величина оказывается переменной. Если путь страдальца показан во всех деталях (по дням и пунктам), в ряде случаев даже можно установить примерную скорость перемещения обоза, доставившего жертву заговора во Владимир, то в дальнейшем, когда фигура Василька отступает на второй план, развитие многолетней междоусобицы дается в обычной летописной манере. Перед нами всего лишь добротная регистрация коловращений князей и их дружин, фиксация сути споров о городах и решений по дележу уделов («на межи своеи стати» — I,270). Горизонты повествования значительно расширяются, но вместе с тем утрачивается живость описаний, из текста уходят лишние подробности. Более крупный масштаб запечатления событий присущ рассказу свидетеля и «послуха», каковым и был поп Василий.

Рассматриваемую летописную статью можно назвать повествованием замкнутых пространств. Сюжет здесь выстраивается как движение от одного подобного локуса к другому. Если применительно к судьбе Василька Ростиславича это, прежде всего, арест в горнице Святополка, оковы, истязание в белгородском застенке и заточение на Вакеевом дворе, то дальнейшая распря — цепь осад, князья «затворяются» в Бужске, Владимире, Дорогобуже, Луческе и т. д. Перед читательским взором «затворы» всех видов: от малого помещения, где томится узник, до осажденного из-за княжеской распри города; от сбитых в кучу в результате половецкой военной хитрости венгров, до беспечно спящей дружины, зажатой между двух огней. Словом, мотив замкнутости, пространственной несвободы, заточенности присутствует здесь постоянно, усиливая впечатление от изобличения невиданного дотоле злодеяния.

Летописная статья 6605 г. охватывает период между двумя княжескими съездами. Ее содержание значительно шире самого рассказа о преступлении. Это почти три года, а если точнее, описываются события, имевшие место с начала ноября 1097 г. по 30 августа 1100 г. То есть под одним годом уместились происшествия двух лет и десяти месяцев. Но время здесь «течет» неравномерно. Ноябрь 1097 г.,

или, лучше сказать, первая половина ноября, показана настолько подробно, что возникает ощущение ознакомления с некими дневниковыми записями участника событий. Иногда имеются указания на время суток («вечеру же бывшю» — I,258; «наутрия» — I, 258, 259, 263, 271; «а заоутра по зори» — I, 268; «онем обедующим» — I, 261; «и оужина ту» — I, 258). Интересно, что значительное число событий происходит ночью, включая саму беседу автора с Васильком. Ночь в повествовании о злодействе играет особую роль («на ночь»- I, 259; «и на ту ночь» — I, 260, 272; «в едину нощь» — I, 265; «си ночи» — I, 265; «и яко бысть полунощи» — I, 270). Главный злодей, Давыд Игоревич, тоже совещается с дружиной среди ночи (ср. с ночной беседой Святополка Окаянного со своими единомышленниками в Вышгороде).

С четвертого ноября, когда Василько пришел поклониться в Выдубицкий монастырь, по тринадцатое (заточение во Владимире) можно проследить судьбу несчастного во всех деталях. День за днем нарастает напряжение, автор не преминул указать и на то, что жертву привезли во Владимир на шестой день. Здесь используется редкое в книжной традиции древнеславянское название последнего осеннего месяца — груденьˆ[31]. От него же образовано и прилагательное, характеризующее условия, в которых перевозили Василька целую неделю (сначала из Киева в Белгород, а затем — во Владимир). «Грудный путь» был, конечно, мучителен для истерзанной жертвы. Снег еще не выпал, а осенняя грязь замерзла. Движение повозки было тряским. Стража, да и сам Давыд Игоревич перемещались верхом, и потому их поездка была вполне комфортной.

Для заговорщиков был особенно важен день именин киевского князя Святополка-Михаила — 8 ноября. Ему отводилась роль наиболее существенного довода для того, чтобы заманить Василька в западню. Многократно звучат призывы злодеев к ничего не подозревающей жертве задержаться в Киеве до этой даты. В конце концов, настойчивый Святополк передает с послами новое приглашение: «Да аще не хощешь остати до именинъ моихъ да приди ныне целуеши мя и поседим вси с Давыдомъ» (I, 258). Собор Архангела Михаила и прочих небесных сил бесплотных первоначально должен был стать днем циничного преступления. Темные силы буквально противопоставлены предводителю небесного воинства. Недаром летописец, говоря о всеобщей радости после любечского съезда князей, замечает: «Но токмо дьяволъ печаленъ бяше о любви сеи и влезе сотона въ сердце некоторым мужем»(I,257)[32]. Так вполне традиционное для средневековой книжности объяснение злодейства приобретает здесь

дополнительные смысловые оттенки, придавая всему повествованию особую разоблачительность.

Объясняя причины включения повести попа Василия во вторую редакцию ПВЛ, исследователи обычно вслед за А. А. Шахматовым акцентируют внимание на мотивах политических. Они, безусловно, важны и являются основными. Однако можно предположить, что у игумена Михайлова Выдубицкого монастыря были и иные причины воспользоваться текстом попа Василия. Если теребовльский князь (а христианское имя его отца — Михаил) сразу же после заключения любечского договора приходит поклониться к святому Михаилу и ужинает в монастыре, тем самым выказывая свою особую приверженность к обители и как следствие подчеркивая ее значение в соблюдении мира между князьями, то два нарушителя крестоцелования ведут себя кощунственно. В день, столь значимый для монастырской братии, они планируют захват невинной жертвы. Едва ли Сильвестр, спустя годы, не придал значения подобной информации, содержавшейся в произведении волынского книжника[33]. Тем более что Василий специально подчеркнул настойчивые, но, увы, безуспешные попытки киевских игуменов защитить теребовльского князя: «И увеша игумени и начаша молитися о Василке Святополку»(I, 260).

Преступление свершилось. Воздвигнута новая распря. И вот тут время как будто начинает уплотняться[34], его неспешное течение становится скачкообразным. События с калейдоскопической быстротой сменяют друг друга. Их так много, что повествователь едва успевает за ними. Появляются упоминания значительных временных периодов (напр., «и стоя Святополкъ около града 7 недель» — I, 269), обычные хронологические привязки («яко приближися постъ великыи» — I, 265; «посем же приходящю Велику дни» — I, 267; « и наставши весне» — I, 267; «вниде в градъ в великую суботу» — I, 269).У всего этого имеется вполне житейское объяснение. Необходимо немалое время для перемещения множества послов, переходов дружин и т. д. Ведь обычное известие князья получали в лучшем случае спустя несколько дней. Уследить за хронологией всеобщей распри, охватившей многие земли, в отличие от хронологии одного преступления, современнику просто невозможно. Да и характер летописного повествования в пределах одной погодной статьи постепенно меняется: так «местное» волынское летописное время превращается в общерусское[35].

Автор осознает связь описываемой распри с давно минувшими временами. Прошлое в его изложении должно хоть как-то мотивировать поступки князей, но с другой стороны, это эпоха, когда византийские по своему цинизму преступления еще не потрясали Русь.

Одиннадцать лет назад, 22 ноября 1086 г., Нерадец заколол отдыхавшего на возу Ярополка Изяславича. Убийца, как отмечает ПВЛ, бежал в Перемышль к Рюрику, старшему из трех братьев Ростиславичей. Рюрик не дожил до Любечского съезда (ум. в 1092 г.), но именно это убийство брата великого князя стало оправданием коварного замысла Давыда Игоревича, сумевшего склонить на свою сторону Святополка Изяславича. Теперь, спустя многие годы, давние подозрения толкают их на преступление против Василька Ростиславича («Яко Василко брата ти оубилъ Ярополка и тебе хоче оубити и заяти волость твою» — I, 263)[36].

Прошлое предстает перед читателем и в форме прямой речи. Исповедь Василька знакомит с былыми горделивыми замыслами энергичного князя. Четырежды в летописной статье звучат печальные слова о пагубности междоусобиц. Мономах характеризует уникальность произошедшего формулой: «Ни при дедехъ наших ни при отцихъ нашихъ» (I, 262). Ему вторят Давыд и Олег Святославичи: «Сего не было в роде нашемь»(I, 262). О Русской земле, «иже беша стяжали отци ваши и деди ваши трудом великим и храборьствомь» (I, 263), говорят посланные киевлянами митрополит Николай и вдова князя Всеволода. В ответ Мономах вновь выступает хранителем достижений отцов и дедов, собиравших русские земли. Так с помощью прошлого дается моральная оценка настоящего.

Казалось бы, летописная статья, столь богатая всевозможными хронологическими сведениями, способна дать ответ на вопрос: когда создавалось обличительное повествование Василия? Тем более что в тексте можно заметить не только обращения к героическому прошлому, но и попытки «заглянуть» в ближайшее будущее. Увы, здесь нас ждет разочарование. Летописная статья, в которой отразилось выдающееся произведение, созданное Василием, явно неоднородна. Это своеобразный плод коллективного труда. Василию, скорее всего, принадлежит оговорка о том, что шрам на лице теребовльского князя виден до сего дня. Значит, автор недавно общался со слепцом. Но сколько минуло времени с той роковой осени 1097 г., мы не знаем. Из этого уточнения можно лишь сделать вывод о том, что лет прошло немало. Василько Ростиславич, как уже отмечалось, намного пережил своих обидчиков. Важнее другая обмолвка, но принадлежит ли она самому Василию или ее сделал последующий редактор? В конце летописной статьи читаем о том, как главный виновник преступления Давыд Игоревич, подвергшийся порицанию на съезде князей в Уветичах (1100 г.), получил в держание Дорогобуж («в немже и оумре» — I, 273). Выходит, что о Давыдовой кончине летописец уже зна-

ет, а о дальнейших событиях в рамках рассматриваемой погодной статьи ничего не говорится. Последующие дублировки ряда известий подтверждают мнение о редакторской правке исходных материалов, связанных с 1097 г. Скорее всего, это осуществил Сильвестр, создававший в стенах Выдубицкого монастыря так называемую вторую редакцию ПВЛ. Думается, пространственно-временные приметы повествовательной манеры Василия и Сильвестра различны, тогда как в идейном плане они единомышленники.

Характеризуя летописную манеру Василия, М.Д. Приселков справедливо усматривал в этом «самом раннем памятнике исторического повествования, сложившегося на территории будущего Галицко-Волынского княжества»[37], ростки местной манеры говорить о событиях без погодной сетки. Блистательный образец подобного повествования, когда искусный автор то забегает вперед, то мысленно возвращается в прошлое, даст Галицкая летопись уже в середине XIII в. Правда, в летописной статье 6605 г. Галич не упомянут ни разу. Важно отметить, что к XIII в. волынское летописание, ориентируясь на богатую киевскую традицию, пошло по пути обычного погодного выстраивания материала, а вот в другом центре книжности юго-западной Руси — Галиче творчески использовали и развили манеру исторического повествования Василия, труд которого, хоть и в неполном объеме, сохранила ПВЛ.

IV. Уникальность летописной статьи 6605 г. в значительной мере определяется взаимодействием различных культурных традиций, связанных с конкретными аспектами ее содержания. Здесь обнаруживаются книжные и устно-поэтические влияния, а наряду с официальными христианскими представлениями проявились и следы языческой обрядности. Известно, что в летописных повествованиях об убийствах князей присутствуют элементы агиографического стиля. Это наводит исследователей на мысль о некоторой генетической зависимости подобных фрагментов от житийной традиции. Д.С. Лихачев даже писал о постепенной «эмансипации» повестей о княжеских преступлениях (жанровое определение приобрело впоследствии терминологический характер) от житийного жанра[38]. Но написанная на рубеже XI — XII вв. и практически лишенная агиографических черт «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского» — одна из наиболее известных в этом ряду и рассказывающая, безусловно, о княжеском преступлении, — не может тем не менее служить аргументом в пользу данного утверждения.

Сама жизненная коллизия предопределила своеобразие формы этого повествования, ведь в 1097 г. на Руси впервые возникла ситуа-

ция, издревле многократно повторявшаяся в политической жизни Византийской империи[39]. Неизвестно, сами ли Давыд и Святополк решили использовать «греческий опыт» или им подсказали это нечестивые советники, однако преступление потрясло русских князей. Обидчики Василька Теребовльского, применив методы византийской династической борьбы[40], видимо, полагали, что совершают меньшее по сравнению с убийством преступление и никак не ожидали такой реакции в княжеской среде.

В окружении Владимира Мономаха, наполовину грека, носившего имя своего деда-императора, князя весьма просвещенного и литературно одаренного, выходцы из Византии занимали не последнее место. Достаточно вспомнить киевского митрополита — грека Никифора — автора поучений и посланий к князю, прибывшего на Русь в 1104 г. в сопровождении достойной его сана свиты[41]. Все это греческое общество было, конечно, книжно образованным и в то же время еще не утратило живых связей со своей родиной. На основании текстов самого Никифора, уроженца малоазиатской Ликии, исследователи делают вывод о том, что митрополит плохо знал древнерусский язык, затруднялся проповедовать и писал по-гречески.

Вспомним также о семейной традиции, выражавшейся в особом внимании к Византии. Отец Владимира Всеволод Ярославич, знавший пять языков, был «горячим грекофилом»[42], что, безусловно, сказывалось на характере межкультурного взаимодействия. М.Д. Приселков полагал, что «в пору разрыва Святослава с Византией и изгнания митрополии из Киева… Всеволод приютил митрополию в Переяславле»[43]. Недавние события придворной жизни Византии имели некоторое сходство с происшествием осени 1097 г.

В 1071 г. византийский император Роман IV Диоген (правил с 1068 г.), потерпевший поражение в битве с сельджуками при Манцикерте[44], оказался в плену у Али — Арслана и утратил власть. Отпущенный вскоре турками, Роман пытался вернуть себе прежнее положение, но был ослеплен и вскоре умер. Эта трагедия не могла быть незамеченной в Киеве. Владимир и Роман Диоген были сватами: русский князь выдал свою дочь за сына Романа, Леона Диогена. Личность последнего вызывала сильное смущение у греков, объявивших его самозванцем. Заметим, жизнь родственников Мономаха постоянно остается в поле зрения самого князя и летописцев. Даже после смерти Владимира в 1125 г. в Суздальской летописи читаются известия о его дочери Марице (под 1146 г.) и о смерти ее сына, Мономахова внука (под 1136 г.)[45]. Именно в 1116 г., когда Сильвестр работал над второй редакцией ПВЛ, в Доростоле был предательски умерщв-

лен зять Мономаха Леон («Диогеневич»). Это событие стало причиной военной активности Руси в низовьях Дуная. Неизвестно, чего больше хотел, посылая туда войска, Мономах — отомстить за смерть сына Романа Диогена или сохранить для своего внука тамошние города. Но так или иначе семейные печали 1116 г. вполне могли оживить в памяти византийские события осени 1071 г., подтолкнуть к их сопоставлению с историей ослепления Василька Теребовльского, которая воспринималась при дворе Владимира Всеволодовича болезненно и остро. К сказанному следует добавить: Мономах не только оказывал покровительство братьям Ростиславичам — уже через несколько месяцев после своего вступления на киевский стол он женил своего сына Романа на дочери Володаря Ростиславича, заступника за ослепленного брата, а перемышльский князь Володарь в свою очередь еще в 1104 г. выдал свою дочь за сына византийского императора: «Ведена дщи Володарева за цесаревичь за Олексиничь Цесарюгороду» (I, 280).

Судьба Романа Диогена, его злоключения изложены с разной степенью подробности в «Хронографии» Михаила Пселла, видного ученого и сановника, расцвет карьеры которого пришелся на период правления деда русского князя — Константина Мономаха, и в «Истории» Михаила Атталиата, известного византийского юриста и чиновника, служившего как при самом Романе, так и при его гонителе Михаиле VII Дуке. Оба исторических труда современников по праву считаются выдающимися образцами «византийской художественной историографии»[46], правда, их изученность и популярность различны.

Как известно, Русь не восприняла многих произведений и жанров византийской литературы эпохи расцвета, обратившись к более раннему периоду[47]. Печерские летописцы опирались в своей работе на переводы всемирных монашеских хроник. У нас нет документальных свидетельств того, что в окружении Владимира Мономаха читались сочинения придворных византийских историографов второй половины XI в., но можно с достаточной степенью уверенности предположить это. В среде образованных греков вполне современные, не утратившие своей актуальности произведения константинопольских политиков первого ряда должны были вызывать интерес. К тому же мемуары Пселла и Атталиата обладали бесспорными литературными достоинствами.

Михаил Пселл, человек непосредственно замешанный в интригу, стоившую жизни Роману Диогену, по понятным причинам не оставил подробного описания расправы над сватом Владимира Мономаха. Напротив, известность приобрело циничное послание Пселла к уже

ослепленному Роману, которое должно было отвести от изворотливого политика подозрение, сокрыть его личную вину. Сочинение Пселла могло быть интересно на Руси иным — идеей рассказать о политическом преступлении от первого лица[48] (ср. ночные сцены во Владимире Волынском из древнерусского повествования), особым характером документальности (ср. с подробным отсчетом времени, обозначением места действия, скрупулезной передачей деталей, переменчивых душевных состояний участников драмы в древнерусском тексте). Словом, человек, причастный к созданию рассказа о печальной судьбе теребовльского князя, вполне мог подпасть под влияние византийских аналогий и сочинений придворных мемуаристов — «мастеров трудного искусства писать портреты и оживлять образы»[49], умевших передать «красочную конкретность личных наблюдений»[50].

В отличие от «Хронографии» Пселла, «История» Михаила Атталиата, которого византологи называют автором «по преимуществу трудов по церковному и монастырского законодательству»[51], дает богатый и достаточно неожиданный материал для сопоставления с летописным рассказом о злодеянии русских князей. Атталиат был близок к императору Роману, сопровождал его в походах, поэтому его описание не просто сочувственно к жертве коварных интриг, а исполнено осуждения жестокосердных заговорщиков.

Какие же моменты двух исторических повествований о событиях осени 1071 и осени 1097 гг. позволяют говорить о возможной генетической связи этих текстовых фрагментов? И византийский, и древнерусский авторы подчеркивают нарушение клятвы, циничный обман доверчивой жертвы (Роман не только отказался от власти, он отрекся от всего земного, приняв постриг)[52]. Это исходный момент двух интересующих нас фрагментов. Далее отмечается заступничество представителей духовенства. Архиереи Калхедонии и Гераклии просят за Романа. Так же ведут себя и киевские игумены: «начаша молитися о Василке Святополку» (I, 260). В отличие от них бояре киевского князя занимают позицию, выдающую полное нежелание брать на себя какую бы то ни было ответственность. Оба автора сообщают о том, как и на чем везут жертву на казнь и после нее (у Атталиата это сначала мул, а затем простая повозка). Страдальцы закованы и запираются в небольшом помещении, им приходится пережить мучительное ожидание экзекуции. Поняв свою участь, и Роман, и Василько плачут и стенают («възпи к Богу плачем великим и стенаньем» — I, 260). Несмотря на некоторое различие «технологии» ослепления в Византии и на Руси, поражает близость обстоятельств и подробностей казни, на которых сочли необходимым сосредоточиться авторы. В роли палача

выступает представитель иного народа и веры: у Атталиата — иудей, а у русского летописца — торчин. Оба они выполняют свою миссию неумело. Атталиат прямо пишет о неопытности иудея в подобных делах, палач трижды погружает железо в глаза своей жертвы (ср. с троекратным упоминанием ударов торчина, совершившего промах, следы которого, по словам летописца, видны на лице слепого князя «и ныне»). Сопротивляющуюся жертву мучители обездвиживают, придавив грудь щитом (у Атталиата) и доской (ПВЛ). Аналогичным образом охарактеризованы и последствия казни: Роман, перевозимый на телеге, похож на разложившийся труп, а Василько «бысть яко и мертвъ… и яко мертва повезоша и» (I, 261). Кроме того заметим, что византийский и древнерусский повествователи акцентируют внимание читателя на одежде жертвы, моменте переодевания.

Черты сходства в построении двух рассказов о преступлении, их близость по узловым моментам, выделяемым при показе аналогичных событий, следует воспринимать с известной долей осторожности. В данном случае правомерно говорить не о буквальном использовании древнерусским книжником текста Михаила Атталиата[53], прямом заимствовании, а о некоем творческом импульсе, известном подражании, ориентации на византийский образец при выборе формы обличительного сочинения, способа изображения преступного деяния[54]. Все это продиктовано конситуативностью и своеобразием культурного пространства рассматриваемой эпохи.

У нас нет возможности определить, на каком этапе формирования нынешнего облика летописного повествования о Васильке Теребовльском мог возникнуть интерес к византийскому образцу. То есть, произошло ли это еще на юго-западе Руси или уже во время редакторской работы Сильвестра в Киеве[55]. Нельзя исключать оба варианта. В первом случае могла сказаться географическая близость к Византии[56], а во втором — «грекофильские» традиции семьи Мономаха и братии ктиторского Выдубицкого монастыря, созданного Всеволодом Ярославичем в 1070 г. Ответить на этот вопрос тем более сложно, что очевидна не только политическая связка Владимир Мономах — Василько Ростиславич, но и близость самого пострадавшего князя к Выдубицкому монастырю.

За невиданное дотоле злодеяние поплатились советники Давыда, их выдал сам князь, жертвуя подданными ради собственной безопасности. Скорые на расправу мстители повесили Лазаря и Василя, а тела их расстреляли стрелами. Только Туряку удалось избежать «двойной» казни. Он скрылся в Киеве. По мысли древнерусского автора, эта месть столь же неоправданна и чрезмерна, сколь и преступление,

ее породившее. Сообщение о том, что люди, дождавшись ухода «Васильковичей», сняли и похоронили казненных (ср.: Втор. XXI, 22—23), можно принять за сочувствие книжника к подстрекателям расправы над Васильком Ростиславичем. Однако это не так. Дело тут в разительном несоответствии поведения пострадавшей стороны нормам христианской морали. Верный стремлению документально показать события, автор не смог опустить информацию о поступках мстителей. Реальность противоречит традиционной форме библейской трактовки кары за преступление. Сторонники теребовльского князя не только не пожелали возложить правосудие на Бога, но и осуществили некий кровавый ритуал. Христианская и языческая культуры оказываются противопоставлены друг другу. Вот почему в тексте появилось грозное напоминание: «Вздамъ месть врагомъ и ненавидящим мя въздамъ…» (I, 268). Перед нами единственная в статье 6605 г. прямая библейская цитата (Втор. XXXII, 41, 43)[57], вводимая традиционной формулой «яко рече пророкъ». Вообще, несмотря на большой объем летописной статьи и многоплановость ее содержания, отсылок к авторитетным христианским источникам тут на удивление мало. Как следствие — почти полное отсутствие книжно-дидактических рассуждений. Правда, были предприняты попытки выявить в тексте статьи неявные библеизмы. Так, А.М. Ранчин, полемизируя с Д.С. Лихачевым, указывает на фразу: «Ни бе в Давыде гласа ни послушанья», в которой видит «реминисценцию» из Библии (3 Цар. XVIII, 26; Цар. IV, 31)[58]. Однако в данном случае можно говорить лишь о стилистической функции этого выражения. В недавнее время дискуссию вызвала и трактовка словосочетания «въ едино сердце» из постановления Любечского «снема». Мнение И.Н. Данилевского о том, что оборот «не выдуман летописцем, а заимствован из Библии»[59], вызвало у исследователей аргументированные возражения[60].

У нас нет сведений о том, на чем повесили Василя и Лазаря, то есть была ли это виселица, дерево или что-то иное. В ПВЛ имеется сообщение о расправе Яна Вышатича над волхвами: в целях устрашения их тела были повешены «на дубе» (I, 178). Едва ли такая казнь вызывала у христианских книжников воспоминания о поражении и гибели библейского Авессалома (2 Цар. XVIII, 9—17), повисшего на ветвях дуба и пронзенного стрелами. Скорее всего, в летописи отразились элементы древних верований, которые не следует сводить к мерам простого устрашения. Много позже так поступали татарские баскаки, запугивая жителей. Они вешали трупы бояр-спорщиков по деревьям, «отимая голову и правую руку» (I, 481). А.В. Майоров, усматривавший в борьбе 1097 г. конфликт волостных общин, высказал

мысль о том, что в жестоком поведении Ростиславичей следует видеть «не обычное наказание преступников, а какой-то древний языческий ритуал (или его пережиток)»[61]. По мнению исследователя, данный эпизод пронизан языческими мотивами, а сама расправа носит публичный характер, что указывает на ее «ритуально-разоблачительную сущность».

Современные историки вынуждены рассматривать обстоятельства суда и казни над убийцами Андрея Боголюбского на основании поздних преданий и сведений В. Н. Татищева. Историк XVIII в., располагавший сводами, не сохранившимися до наших дней, точно охарактеризовал способ, которым были казнены люди из окружения владимирского князя: «Михалко велел перво Кучковых и Анбала повеся, расстрелять, потом 15 головы секли…»[62]. Не исключено, что повешенье с последующим расстрелом из луков было особой казнью, применявшейся по отношению к лицам некняжеского рода, поднявшим руку на правителя. Если же здесь, действительно, кроется пережиток каких-то дохристианских ритуальных представлений, то следует полагать, что подобный языческий обычай, давший о себе знать через много десятилетий уже на северо-востоке Руси, либо происходил из Галицко-Волынской земли, либо представлял собой некий всеобщий элемент архаического миропонимания, свидетельство двоеверческого отношения к силам зла.

В летописной статье 6605 г. говорится о представителях многих народов. Здесь действуют поляки, венгры и половцы; упоминаются берендеи, печенеги, торки, дунайские болгары. На рубеже XI — XII вв. подобное межнациональное взаимодействие носило не только военный характер. Заключались скоротечные политические союзы, подкрепляемые династическими браками. Так, в самом начале XII в. дочь Святополка Изяславича стала женой Болеслава Кривоустого. По сведениям В. Н. Татищева, Ростислав (Михаил) Владимирович Тмутараканский, отец Василька Теребовльского, был женат на венгерке, которая после смерти мужа (1067 г.) хотела уехать вместе с детьми к своему отцу[63]. Но особенно богатый материал рассматриваемая летописная статья дает исследователям русско-половецких связей. Это время, когда этнические и культурные контакты с куманами находятся еще на ранней стадии. В 1094 г. заключен первый известный нам брачный союз русского князя с половчанкой — Святополк Изяславич женится на дочери хана Тугоркана[64]. В 1107 г. сразу два влиятельных князя — Владимир Мономах и Олег Святославич — женят своих сыновей на половчанках. Еще в 1092 г. Василько Ростиславич в союзе с половцами ходил на поля-

ков, а половецкие ханы Боняк и Тугоркан в свою очередь помогли в апреле 1091 г. Алексею Комнину разгромить печенегов («Алексиада», VIII кн.). Некоторые историки, правда, без серьезных доказательств, писали об участии в этом походе на помощь византийцам и теребовльского князя Василька Ростиславича[65]. Так или иначе, многие разноязыкие участники событий рубежа XI — XII вв. были связаны между собой, а их судьбы и интересы пересекались.

Если пережитки славянского язычества могут лишь гипотетически реконструироваться на основании беглого упоминания о жестокой акции Ростиславичей, то реалии степной культуры представлены на удивление подробно. Ценнейшая информация сосредоточена в той части летописной статьи, где повествуется о союзной победе Давыда Игоревича и хана Боняка над венграми. Источником этого фрагмента принято считать половецкую песню. В свое время М.Д. Приселков подробно рассмотрел этот отрывок, отмечая его неоцененность исследователями[66]. Использование половецкой песни об Алтунопе историк в частности объяснял отсутствием у Василия иных сведений о разгроме венгров под Перемышлем. Следы несохранившегося половецкого эпоса в русском летописании привлекли внимание историков еще в 40-е гг. XX. в.[67] Впоследствии к вопросам русско-половецких эпических контактов обращался А.Н. Робинсон[68]. Исследователи справедливо связывают следы половецкого эпоса в древнерусской книжности с юго-западной летописной традицией. Сюжет о Боняке и молодом удальце Алтунопе находится в одном ряду с позднейшим рассказом Галицкой летописи XIII в. о ханах Сырчане и Отроке (легенда о емшане). Более столетия разделяет эти письменные отклики на тюркские устно-поэтические произведения, но, тем не менее, оба сюжета порождены одной эпохой рубежа XI — XII вв., ознаменованной деятельностью Владимира Мономаха.

Возможно, интерес галицко-волынских книжников к эпическому творчеству степных соседей объясняется особой ролью светского песнетворчества в культуре этих земель[69], ведь именно Галицкая летопись донесла до нас имена «словутного» гордеца Митусы и половецкого певца Оря. Благодаря любознательности древнерусского автора («глаголяху бо яко…»), отнесшегося к обычаям кочевников без особого предубеждения, современные медиевисты располагают сведениями этнографического характера, позволяющими делать выводы о возможном совмещении функций хана и жреца (Боняк)[70], о характере тотемизма (связь орды Боняка с тотемом «волк»), а также о тактике степняков в сражении («сбиша Оугры акы в мячь яко се соколъ сбиваеть галице» — I, 271).

Вообще в летописной статье 6605 г. половцы упоминаются шесть раз. В первых трех случаях мы не обнаруживаем ничего необычного. Здесь степняки оцениваются как грозные враги, радующиеся междоусобицам на Руси, готовые воспользоваться княжеской рознью. Близкие не только по смыслу, но и по форме характеристики половецкой угрозы содержатся в коллективном высказывании участников Любечского съезда, в обращении Мономаха, узнавшего о преступлении, к князьям, а также в призывах митрополита и вдовы Всеволода Ярославича к миру. Все эти вполне традиционные суждения, безусловно, отражают официальную позицию киевского центра. Иначе показаны половцы в связи с действиями правителей юго-запада Руси. Негативные оценки отсутствуют, нет даже обычного определения «поганые», несмотря на подробное описание волхвования[71]. Союзники Давыда Игоревича, главного виновника распри, предстают перед читателем хитрыми и удачливыми воинами, отбившими нашествие венгров Коломана. В сражении командует половецкий хан, которому принадлежат победные решения, а соотношение сил показано с использованием явной гиперболы. Давыд дважды прибегает к помощи половцев, отправляясь на встречу с Боняком. Начало совместных действий обозначено повторяющейся фразой: «И оусрете и Бонякъ» (I, 270; 272). Зловещая фигура Боняка, многократно упоминающегося в «Поучении» Мономаха, лишена в этом летописном фрагменте отрицательных черт. Смертельный враг Руси явно оценивается с местных позиций, ведь половецкая опасность в галицко-волынских городах воспринималась менее остро, чем в Поднепровье.

Таким образом, в рамках одной летописной статьи обнаруживаются проявления взаимодействия различных культур, христианские и языческие элементы, влияние письменных и устных источников. Более того, можно заметить ряд противоречивых свидетельств даже в пределах одного содержательного пласта, как это было показано на примере восприятия половцев и их эпического наследия.

V. Подведем некоторые итоги. Рассмотренные аспекты повествования о событиях, произошедших между двумя княжескими съездами (1097 и 1100 гг.), позволяют подтвердить существующее в медиевистике мнение о сводном характере летописной статьи 6605 г. Она несет на себе следы различных источников, редакторских обработок и ряда культурных влияний. Сохранившийся текст, обычно именуемый «Повестью об ослеплении Василька Теребовльского», — явление комплексное, возникшее на пересечении ряда традиций (причем не только книжных). Сочетание нескольких элемен-

тов и определило уникальный литературный облик этого произведения, композиционным ядром которого стал рассказ волынянина Василия. Судя по всему, летописная статья донесла лишь часть этого обличительного сочинения. Постепенная трансформация пространственно-темпоральной и речевой структуры текста свидетельствует о вмешательстве летописца, стремившегося придать сведениям Василия общерусское звучание.

Содержание летописной статьи значительно шире самого рассказа о преступлении. Поэтому только созданное отдельно от летописи[72] сочинение Василия соответствует предложенному Д.С. Лихачевым жанровому определению «повесть о княжеском преступлении». Сама же летописная статья в целом синтезировала различные жанровые элементы, одним из которых стала воинская повесть, находящаяся в ПВЛ еще на стадии своего формирования.

Обосновывая гипотезу о редакциях ПВЛ, А.А. Шахматов говорил о том, что в числе источников Сильвестровской редакции оказалась и «летопись попа Василия», а сам Василий был знаком с основной редакцией ПВЛ. В итоге всех рассуждений выходило, что к сохранившемуся тексту летописной статьи 6605 г. в разной мере причастны три человека — Нестор, Василий и Сильвестр[73]. Данная точка зрения представляется достаточно убедительной. Характерно, что у каждого из книжников была своя «роль»[74]. Один выступал как создатель лояльного Святополку погодного, вполне традиционного повествования, другой писал детализированное документально-обличительное сочинение без разбивки на годы, а третий выступал в качестве редактора-сводчика, дополняющего своих «соавторов»[75]. М.Д. Приселков упоминал о возможном знакомстве Василия и Сильвестра[76]. Нельзя полностью исключать личное знакомство и всех трех древних книжников.

Затрудняясь обозначить точные границы труда Василия в рамках статьи 6605 г., М.Д. Приселков полагал, что Сильвестр «приводит повествование Василия с некоторыми вставками»[77]. Конец первой вставки исследователь обозначил фразой: «Василкови же сущу Володимери на преже реченемь». Вторая вставка, по его мнению, сообщает об изгнании Давыда («Святопълку же обещавъшеюся се сътворити…» — «Давыдъ бежа въ Ляхы»). Действительно, если признать, что Сильвестр заменял выгодный Святополку Изяславичу рассказ Нестора на разоблачение Василия, то возникает вопрос: в какой мере сохранился исходный материал Нестора.

Скорее всего, начало и финал статьи (сообщения о Любечском и Витичевском съездах) достаточно спокойные по тону, представляют

собой наиболее ранний пласт повествования. Мономах здесь всего лишь упоминается в ряду других князей, тогда как хорошо известна ведущая роль Владимира Всеволодовича в истории Любечского съезда и последующих событиях. Однако сколько-нибудь заметной его фигура становится только в центральной части летописной статьи (это первая вставка Сильвестра, по М,Д,Приселкову). Фигура Мономаха выходит на первый план только после того, как совершено злодейство. Он — заступник, организатор достойного отпора преступникам, сумевший разрушить союз Святополка и Давыда. Здесь же подчеркивается его кротость. Владимир не хочет мстить. Сорокапятилетний, опытнейший политик слушается мачехи и митрополита, останавливает военные приготовления. Он ведет себя именно так, как писал в примирительном письме Олегу Святославичу по поводу гибели собственного сына.

В границах этой же вставки читается похвала Мономаху, носящая явно церковный характер. Завершается она словами: «…Не осудяше но вся на любовь прекладаше и оутешаше» (I, 264). Легко заметить контраст поведения Владимира и Василька, совершившего грех и подвергнувшего жестокой каре даже невиновных. О неслучайности отмеченного противопоставления характеристик двух союзников[78] говорит появление в тексте после слов «и идоша от града» (I, 268) единственного библеизма, подкрепляющего вполне традиционные дидактические рассуждения. Они выглядят здесь чужеродными, не очень соответствующими стилю окружающего повествования. Описание самого преступления и последовавшей за тем распри лишено специальных отсылок к авторитетным источникам, да и откровенного морализирования. Прямому осуждению со стороны летописца подвергается только сама жертва заговора. Нельзя исключать, что перед нами результат деятельности редактора, стремившегося не только восславить Мономаха, но и подчеркнуть различие поступков и политики Василька и его мудрого покровителя, по-своему «отдалить» Владимира от мятежных Ростиславичей.

Трудно судить о том, в какой мере сообщения о сомнениях Святополка Изяславича, о его стремлении переложить решение судьбы теребовльского князя на киевскую знать и даже о его желании отпустить Василька являются отголоском записей Нестора, лояльного к великому князю. Дело в том, что значимая для всего повествования оппозиция правда — ложь, слово истинное и лукавое, присутствует также в речах самого Святополка Изяславича. Обращаясь к Давыду, он говорит: «Да аще право глаголеши Богъ ти буди послухъ да аще ли завистью молвишь Богъ будетъ за темъ» (I, 257).

Таким образом, опираясь на построение А.А. Шахматова и М.Д. Приселкова, следует признать: летописная статья 6605 г. — результат некоего «сотворчества» трех книжников, перед которыми стояли разные задачи. Использованное будущим переяславским епископом Сильвестром талантливое сочинение выходца из юго-западной Руси, которое сохранило элементы языческих представлений его земляков и отголоски половецкого эпоса, побуждает усомниться в принадлежности Василия к духовенству. В заключение отметим: читаемая в центральной части характеристика Владимира Мономаха по своей форме, безусловно, являет традиционный пример некрологической похвалы[79]. В данном случае ее создатель, оставив в стороне воинские и государственные заслуги правителя, сделал акцент на взаимоотношениях князя с духовенством. При этом предложена некая иерархическая последовательность тех, кого почитал Владимир Всеволодович. Исследователями давно уже подмечено, что похвала Мономаху как бы привнесена из будущего. Она говорит о прошлых заслугах князя («бяше любезнивъ» и т.д. — I, 264), все в его жизни уже свершилось[80]. Владимир пережил Сильвестра (ум. в 1123 г.), так что скорее всего перед нами элемент некрологической характеристики, инкорпорированной в летописный текст уже после 1125 г. По всей видимости, это еще одно и самое позднее по времени вкрапление, которое можно заметить в составе летописной статьи 6605 г.

Примечания

[1] Далее ПВЛ.

[2] *Приселков М.Д.* История русского летописания XI — XV вв. СПб.-1996. С.287.

[3] См.: *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг.- 1916. С. XXXI — XXXVI.

[4] *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII — XIII вв. Изд. 2-е, доп. М.- 1993. С. 461.

[5] О «безосновательности» подобного наименования Василия писал Д.С. Лихачев. См.: *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М.-1979, С.155. В настоящее время в рамках пересмотра шахматовской концепции о начальных этапах летописания вновь заговорили о Василие-духовнике. При этом фигура Василия в истории создания ПВЛ приобретает иное значение. Напр., С.М. Михеев пишет: «После смерти игумена Никона, в 1090-е годы в стенах Печерского монастыря был составлен так называемый Начальный свод. Его автор (возможно, это был духовник князя Василька Теребовльского Василий), вероятно, начал работать вскоре после вокняжения Святополка Изяславича в Киеве (в 1093 г.). Он внес в текст свода Никона десятки характерных вставок». (*Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? / Славяно-германские исследования. Т.6. М., 2011. С.155). В.В. Кусков, называя известных по именам книжников-монахов киевского периода, не упоминал Василия (см.: *Кусков В.В.* Характер средневекового миросозерцания и система жанров древнерусской литературы XI —

первой половины XIII в.// Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. 1981, №1. С.5.). Т.В. Гимон, перечисляя имена известных и предполагаемых летописцев XI — XII вв., справедливо отмечает, что, за исключением Петра Бориславича, они «принадлежат исключительно к духовенству». При этом исследователь не указывает прямо статус Василия (см.: *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М.- 2012. С.166.).

[6] Василько Ростиславич умер в 1124 г. (II, 288). О.М. Рапов указывал более точную дату — 28 февраля 1124 г. (см.: *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М. — 1977. С.72)

[7] Здесь и далее летопись цитируется по изданию: Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись. М.-1997. Том и столбец указ. в тексте в скобках.

[8] См.: *Хрущов И.П.* Сказание о Васильке Ростиславиче // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Кн. I, Киев- 1879, С.58—61.

[9] *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М.-1977. С.79.

[10] *Приселков М.Д.* История русского летописания. С.285. Современные историки летописания полагают, что в Выдубицком монастыре действовал скрипторий, а игумен Сильвестр, «безусловно, обладал при Владимире Мономахе статусом главного историографа, так как мог свободно перемещать любые рукописи начальной летописи» (Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? С.153). И более того, высказывается мнение, что именно «игумен Сильвестр был автором ПВЛ» (там же. С.159).

[11] См. напр.: *Алешковский М.Х.* Повесть временных лет: судьба литературного произведения в Древней Руси. М.-1971.С.50—52.

[12] *Демин А.С.* Поэтика древнерусской литературы (XI — XIII вв.). М. 2009, С.107.

[13] *Шайкин А.А.* Повесть временных лет: история и поэтика. М.-2011. С.215.

[14] *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII — XIII вв. С.461.

[15] См.: *Гиппиус А.А.* Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции. I // Русский язык в научной освещении. 2003, №2 (6), С.60—99.

[16] *Кусков В.В.* История древнерусской литературы. М.-1998. С.65.

[17] См. напр.: *Еремин И.П.* Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л.-1987. С. 60—61. Исследователь вспоминает дискуссию об элементах реалистичности, когда он на примере рассказа о Васильке Теребовльском ошибочно «пытался дать историко-литературное определение» реализму «средневекового типа». А.А. Шайкин не раз указывает на черты повести, которые не укладываются в «системность средневековой литературы» (Шайкин А.А. Повесть временных лет: история и поэтика. С. 211).

[18] *Творогов О.В.* Василий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.I (XI — первая половина XIV в.). Л. — 1987. С.91.

[19] *Либан Н.И.* Литература Древней Руси. Лекции-очерки. М. 2000. С.29.

[20] *Ключевский В.О.* Сочинения в восьми томах. Т. I. М.-1956. С. 98.

[21] *Рыбаков Б.А.* Миниатюры Радзивиловской летописи и русские лицевые рукописи X — XII вв. // Рыбаков Б.А. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М. — 1984, С. 212.

[22] Помимо решения Любечского съезда летописная статья зафиксировала несколько договоров князей, заключенных в ходе междоусобицы и сопровождавшихся крестоцелованием. Все они были вскоре нарушены Святополком и Давыдом.

[23] А.С. Демин назвал «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского» «самым слезным повествованием летописи» (Демин А.С. Поэтика древнерусской литературы (XI — XIII в.). С.107).

[24] *Кусков В.В.* История древнерусской литературы. С.65.

[25] Вспомним, что И.П. Еремин писал о «князьях-хамелеонах», «расщеплении» летописных образов князей. См.: *Еремин И.П.* Повесть временных лет. Проблемы ее историко-литературного изучения. Л. — 1946.

[26] См. напр.: *Шайкин А.А.* Функции времени в «Повести временных лет» // *Шайкин А.А.* Поэтика и история. На материале памятников русской литературы XI — XVI веков. М. 2005. С.129—143; *Ранчин А.М.* Пространственная структура в летописных повестях 1015 и 1019 годов и в житиях святых Бориса и Глеба // Ранчин А.М. Вертоград златословный. Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 75—85.

[27] *Прокофьев Н.И.* О преемственной связи в историческом развитии жанров и жанровых систем // Литература Древней Руси. Межвузовский сборник научных трудов. М.- 1996. С. 16..

[28] Детальный обзор точек зрения по поводу границ Русской земли см.: *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX — XII вв.). Курс лекций. М.-1999. С. 170—181.

[29] См. напр.: *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII — XIII вв. С. 460.

[30] *Приселков М.Д.* История русского летописания XI — XV вв. СПб., С. 283.

[31] «Словарь древнерусского языка (XI — XIV вв.)» фиксирует только три случая письменного употребления этой лексемы и производного от нее прилагательного «грудный». Из них два примера — в рассматриваемой погодной статье. См.: *Словарь* древнерусского языка (XI — XIV вв.). М.-1989, Т. II, С.396.

[32] Своеобразная поэтапность зарождения преступного замысла запечатлена в миниатюре Радзивиловской летописи (Л. 138 об.). Дьявол нашептывает некоему мужу, тот — Давыду Игоревичу, который, в свою очередь, обращается к великому князю.

[33] Конец 80-х гг. XI в. в ПВЛ отмечен вниманием к церковному устроению при Всеволоде Ярославиче. Об освящении церкви Св. Михаила Всеволодова монастыря митрополитом Иоанном и епископами Лукой, Исаем и Иваном сообщается под 1088 г. Игуменом тогда был Лазарь. На следующий год (1089) освящена церковь Св. Михаила в Переяславле. Ее освятил митрополит Ефрем, приведенный из Царьграда Янкой, дочерью Всеволода. Этот храм обрушился 10 мая 1123 г., через месяц после смерти переяславского епископа Сильвестра, некогда игуменствовавшего в Выдубицком монастыре Св. Михаила.

[34] Исследователи уже давно отмечали стремление древних авторов показать преступное деяние в «замедленном» ключе, акцентируя внимание на поступках злодеев.

[35] *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. С. 268.

[36] В какой мере был замешан в убийстве Ярополка младший из братьев — Василько — не известно. Историк О.М. Рапов писал о среднем Ростиславиче: «Вполне возможно, что Володарь был также замешан в убийстве Ярополка Изяславича в 1086 г.» (Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. С. 71).

[37] *Приселков М.Д.* История русского летописания. С. 283.

[38] *Лихачев Д.С.* Система литературных жанров Древней Руси // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л.-1986. С.66.

[39] Ослепление как способ ликвидации соперника применялось в Византии даже в отношении ближайших родственников. Так императрица Ирина в 797 г. ослепила собственного сына Константина VI, а во время возвращения к власти порфирородной Зои (1042 г.) такому же истязанию подверглись ее приемный сын Михаил V Калафат и его дядя Константин.

[40] В первой книге «Алексиады» Анна Комнина даже пишет об использовании приема ложного ослепления, как о проявлении ее отцом политической мудрости, приводящей народ к покорности.

[41] Никифор, которого Н.М. Карамзин называл «мужем знаменитым сведениями» («*История* государства Российского». Книга первая. Т. II. М.-1988, Стб.99), оставался на митрополичьей кафедре до своей кончины в 1121 г. М.Н. Громов и В.В. Мильков высказывали предположение, что одним из наставников Никифора был Михаил Пселл (см.: *Громов М.Н., Мильков В.В.* Идейные течения древнерусской мысли. СПб.- 2001. С. 344). О литературной деятельности Никифора см.: *Баранкова Г.С.* Творчество киевского митрополита Никифора: Проблемы авторства и перевода его произведений // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 12. М.-2005. С. 318—339.

[42] *Приселков М.Д.* Нестор летописец. Опыт историко-литературной характеристики // Символ, №19. Июнь 1988. С.121.

[43] *Приселков М.Д.* Там же. Вопрос о пребывании митрополии в Переяславле активно обсуждается историками. См. напр.: *Назаренко А.В.* Митрополии Ярославичей во второй половине XI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007, №1 (27), С.85—103.

[44] Историки считают, что в походе к стенам Манцикерта участвовали воины многих национальностей, в том числе и русичи. См. *История* Византии в трех томах. Т.2. М.-1967, С. 286.

[45] Внука Мономаха (Маринича) тоже звали Василием. Вспомним, что небесным покровителем Мономаха был Василий Кесарийский.

[46] *Фрейберг Л.А., Попова Т.В.* Византийская литература эпохи расцвета. IX — XV вв. М.-1978. С. 132.

[47] О дискуссионных проблемах рецепции византийской культуры см.: *Живов В.М.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.-2002. С. 73—115.

[48] Напр.: «Я сам свидетель, как часто проливал царь слезы о Диогене» (цит. по: *Пселл Михаил*: Хронография / Пер. Я.Н. Любарского. М.-1978. С.186) или об ослеплении Михаила V: «Вошедшая в храм толпа со всех сторон окружила обоих мужей и, как стая диких зверей, готова была их растерзать. Я же остановился у правой алтарной преграды и зарыдал» (С. 65). Заметим, что Пселл постоянно говорит о себе, подчеркивает свою роль в событиях, в то время как древнерусский автор говорит от первого лица лишь там, где его понуждают к этому обстоятельства.

[49] *Диль Шарль.* Византийские портреты. М.-1994. С. 165.

[50] *Аверинцев С.С.* Византийская литература // История всемирной литературы. М.-1984, Т.2, С. 355.

[51] *Фрейберг Л.А., Попова Т.В.* Византийская литература эпохи расцвета. С. 131.

[52] См.: *Michaelis* Attaliotae. Historia. Corpus scriptorum historiae bizantinae. Bonnae.-1853. P.178 (5—23), P.179 (1—9). Выражаю глубокую признательность И.М. Пиковой и Т.Ф. Теперик за ценные замечания, сделанные ими в связи с «Историей» Михаила Атталиата.

[53] Приведем отрывок из «Истории» Михаила Атталиата по указанному изданию: ἆπαρῆαν γαρ ἐκεῖσε ὃ τε Καλχηδόνος ὁ Ἡρακλείυς καὶ ὁ Κολωνείας, τὰς σπονδὰς αὐτῷ συντελ˚έαντες. ὑπεμίμνησκε δὲ αὐτοὺς και ὅρκων καὶ τῶν ἐν τοῦ. Θείον νεμέσεον. οἱ δέ, καί περ βονθῆσαι τούτῳ βουλύμενοι ὃμως, ἀσθενῶς ἔσχον ἀνδρῶν ἀπηνῶν ἅμα καὶ ἀμηστῶν ἀναρπασάντον αὐτὸν και ὡς ἱερεῖον ἀγόντων ἐπὶ τὸ σφάγιον. καὶ εἰς τὸ κάστρον ἐγκλείσαντες, θαμὰ πρὸς πάντας ἐπιστρεφόμενον καί τὴν τῶν ἀρχιερέων κατόπιν παρρησίαν ἰδεῖν διηνεκῶς ἐπευχόμενον, οἰκίσκῳ τινὶ παραπέμπουσι, καί τινα Ἰουδαῖον ἀμαθῆ τὰ τοιαῦτα τὴν τῶν ὀφθαλμῶν αὐτοῦ διυχείρισιν ἐπιτρέπουσι. δήσαντες αὐτον ἐκ τεσσάρων, καί τῷ στήθει καί τῇ κοιλίᾳ πολλοὺς δὶ ἀσπίδος

ἐπιστηρίξαντες, φέρουσι τὸν Ἰουδαῒον περιωδύνως ἄγαν καὶ ἀπηνῶς σιδήρῳ τοὺς ὀφθαλμὺς αὐτοῦ ἐκταράττοντα, βρυχωμὲνου κάτωθεν καί ταύρειον μυκωμένων καί μηδένα τὸν οἰκτείροντα ἔχοντος. οὐ μὴν ἅπαξ τοῦτο παθὼν ἀφείθη τῆς τιμωρίας, ἀλλά τριχῇ τὸν σίδηρον τοῖς τούτου κατέβαψεν ὂμμασιν ὁ τῆς θεοκτόνου τυγχάνων σειρῦς. ἒως και πληροφορίαν δί ὅρκου κείμενος ἔθετο πᾶσαν τὴν οἰκονομίαν ἐκχυθῆναι καὶ ἀπορρεῦσαι τῶν ἑαυτοῦ ὀφταλμῶν. ἐγερθεὶς οὐν αἵματι διαβρόχους ἒχων τοὺς ὀφθαλμοὺς, θέαμα δί οἰκτρὸκ καὶ ἐλεεινὸν καὶ θρῆνον ἐπιφέρον τοῖς ὁρῶσιν ἀκάθεκτον, ἡμιθνὴς ἒκειτο, προκατειργασμένος μὲν τῆ νόσῳ, τότε δὲ τοῖς ὅλοις ἀπαγορεύων καὶ τῆς βασιλικῆς ἐκείνης λαμπρότητος καὶ τῆς μέχρις οὐρανοῦ φθανούσης δόξης, μῦλλον. δὲ τῆς ὑπὲρ τῶν Ῥωμαίων ἀνδραγαθίας τοιαῦτα κομισάμενος τὰ ἐπιξειρα. προαξθεὶς οὖν ἐν εὐτελεῖ τῷ ὑποζυγίῳ μέχρι τῆς Προποντίδος αὐτῆς, ὥσπερ πτῶμα σεσηπὸς εἵλκετο, τοὺς μὲν ὀφταλμοὺς κατορωρυγμένους ἔχον, τὴν δὲ κεφαλὴν σὺν τοῖς προσώποις ἔξῳδηκυῖαν, καὶ σκώληκας ἐκεῖθεν δεικνὺς ἀποπίπτοντας. ἡμέρας δ᾽ ὀλίγας διαλιπὼν ἐπωδύνως τὸν βιον, καὶ πρὸ τῆς τελευτῆς ὀδωδώς, ἀπολείπει, τῇ νήσῳ τῇ Πρώτῃ τὸν χοῦν ἀποθέμενος κατὰ τὴν ταύτης ἀκρώρειαν, ἔνθα νέον ἐκεῖνος ἐδείματο φροντιστήριον, κηδευθεὶς μὲν πολιτελῶς παρὰ τῆς πρὶν βασιλίδος καὶ ὁμευνὲτιδος Εὐδοκίας, τῆς τοῦ κρατοῦντος μητρὸς (ἐκείνη γὰρ αἰτησαμένη τὸν υἱὸν τὴν νῆσον ταύτην καταλαβεῖν τούτῳ τὰ τῆς ὁσίας φιλοφρόνως ἐτέλεσε), μνήμην δὲ καταλιπὼν τοῖς μετέπειτα τῶν τοῦ Ἰὼβ ἐκείνου δυστυχημάτων ὑπερβαίνουσαν τὴν ἀκρόασιν. τοῦτο δὲ θαυμασιώτατον ἅμα καὶ γενναιότατον τοῖς πᾶσι διήγημα καταλέλοιπεν, ὅτὶ ἐπὶ τοῖς τηλικούτοις πειρασμοῖς καὶ ἀπαραμίλλοις κακοῖς οὐδὲν βλάσφημον ἢ μικρόψυχον ἀπεφθέγξατο, ἀλλ᾽ εὐχαριστῶν διετέλει καὶ χρόνων προσθήκην ἐπιζητῶν ἐν κακοῖς, ἵνα εὐαρεστήσῃ, φησίν, τῷ ποιήσαντι, τὸν τῆς ἀσκήσεως δρὸμον διανύων ἐπιπονώτερον.

Ἀλλ᾽ ὁ μὲν ἐν τοσούτοις ἀνιαρῶς τὸ ζῆν καταστρέψας

(«Были там и понтифики из Калхедона, Гераклеи и Колон, они заключили с ним договор. Он напомнил им и о клятве, и о божественной каре. Те же, хотя помощь ему предоставить хотели, однако были бессильны, когда жестокие и озверевшие люди схватили его и вели, словно животное на алтарь жертвоприношений. И заключили в крепостцу его, многократно на всех оглядывающегося и беспрестанно умоляющего, в отдельную комнату, чтобы подвергнуть испытаниям. И подписали некоему иудею, неопытному в таких делах, ослепить его, и связав его давили на грудь и живот щитом многие. Говорят, что иудей этот плохо очень и жестоко железом выколол глаза ему, вопящему всеми глубинами своей души и наподобие быка мычащему, не имеющему ни одного сострадальца. И однако ни на шаг не был освобожден от мести, но трижды железо в его глаза вкладывал этот приспешник жестокого союза богов, до тех пор, пока он то ли не выкрикнул клятву верности и тогда давление было ослаблено и глаза его вытекли. И воспрянувший с кровавыми глазами явил зрелище плачевное и рыдание несчастное, для видевших невыносимое, полумертвый лежал; то ли до того уже ослабленный болезнью истинно от всего отрекся, ибо принял от греков в награду и пышное царство свое, и славу, вознесшуюся до небес, и даже имущество свое. Увезенный на простой повозке до Пропонтиды, словно труп истлевший, был вывезен, с вырытыми глазами, с вздутой головой и ртом и являя червей, оседших там, и по истечении нескольких дней жалко, зловонный, перед смертью испустил дух. Переправила умирающего на остров Прота, который был под ее началом, где она основала монастырь, и впоследствии заботилась о нем, царица и жена его Евдокия, мать императора (сын ее просил, чтобы остров этот она заняла, и дела религиозные здесь совершала). И так оставил потомкам память, которая изгладила славу злодеяний его. Это удивительнейшее и вместе с тем знаменательное для всех доказательство оставил, что в таких испытаниях и неслыханных бедах ничего гнусного или прозрачного не сказал, но продолжал просить милости и искал прибавления времени в бедах, и говорил, что счастлив будет, если дойдет до конца в муках.

Но так он после этого закончил жизнь жалко…»)

[54] Подробнее об изображении преступного деяния в раннем летописании см.: *Паууткин А.А.* Беседы с летописцем. Поэтика раннего русского летописания. М.-2002. С. 163—182.

[55] Неизвестно, находился ли в стенах Выдубицкого монастыря осенью 1097 г. его будущий настоятель Сильвестр.

[56] На юго-западе Руси в дальнейшем сложатся особые культурные и политические контакты с Византией. Так, в 40-е гг. XII в. Галич окажется в союзе с империей, в 1154 г. гонимый наследник византийского престола Андроник Комнин будет укрываться в Галиче, а в начале XIII в. там же станет прятаться от преследований Алексей Ангел.

[57] На эту цитату указывает И.Н. Данилевский. См.: *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М.-2004. С. 101.

[58] См.: *Ранчин А.М.* Вертоград златословный С. 279.

[59] *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (XI — XII вв.). Курс лекций. М.,-1999. С. 179.

[60] См.: *Лаушкин А.В., Ранчин А.М.* Еще раз о библеизмах в древнерусском летописании // Ранчин А.М. Вертоград златословный. С. 28—29.

[61] См.: *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период: Князь, бояре и городская община. СПб.-2001. С. 142—148.

[62] *Татищев В.Н.* История Российская. М. — Л.- 1964. Т. III, С. 113.

[63] *Татищев В.Н.* История Российская. М. — Л.- 1963, Т. II, С. 83—84.

[64] Тугоркан будет убит в сражении с русскими дружинами в июле 1096 г. на реке Трубеж.

[65] В.Г. Васильевский предположительно говорил о неких русских князьях, участвовавших вместе с половецкими ханами в походе по призыву византийцев. (См.: *Васильевский В.Г.* Печенеги и Византия // Васильевский В.Г. Труды. СПб.-1908, Т. 1, С. 10—102). Б.Д. Греков уже прямо называл имя Василька Ростиславича. В учебнике Н.В. Водовозова участие Василька в этой экспедиции, приведшей к истреблению печенегов, утверждается вполне однозначно, правда, без каких-либо ссылок на источники (см.: *Водовозов Н.В.* История древнерусской литературы. М.-1962. С.48).

[66] См.: *Приселков М.Д.* Летописание западной Украины и Белоруссии // Приселков М.Д. История русского летописания XI — XV вв. С.287—289.

[67] См.: *Пархоменко В.А.* Следы половецкого эпоса в летописях // Проблемы источниковедения. Сборник третий. М.-Л.-1940.

[68] См.: *Робинсон А.Н.* Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI — XIII вв. Очерки литературно-исторической типологии. М.-1980. С. 42—313.

[69] *Орлов А.С.* «Слово о полку Игореве». М.- Л. — 1946. С. 198.

[70] *Плетнева С.А.* Половецкая земля // Древнерусские княжества X — XIII вв. М., 1975. С.288; Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003. С. 95.

[71] Н.М. Карамзин в связи с этим фрагментом летописи записал: «Суеверие бывает иногда счастливо». История государства Российского. Кн. 1, Т. II, гл. VI, Стб.77.

[72] На безусловно внелетописный характер повести Василия указывал, в частности, М.Д. Приселков (История русского летописания. С.81). Однако сегодня эта утвердившаяся в XX в. классическая точка зрения разделяется не всеми исследователями (напр. А.А. Гиппиус и С.М. Михеев).

[73] *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Пг. — 1916, С. XXXV.

[74] А.Г. Кузьмин писал о естественном «стремлении распределить имеющийся материал между ними». Но при этом предостерегал от «соблазна» распределить «анонимный материал между почему-либо известными лицами» (*Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. С. 132). И тем не менее стратификация летописно-

го текста неизбежно требует от исследователей применения методики, которую Т.В. Гимон удачно назвал «разграничением анонимов» (см.: *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. С.163.

[75] Ряд исследователей более скромно оценивал деятельность Сильвестра. Так, С. Бугославский полагал, «что Сильвестр был не редактором свода, а его переписчиком» (*Бугославский С.* Повесть временных лет (списки, редакции, первоначальный текст) // Старинная русская повесть. Статьи и исследования. М. — Л.- 1941, С.35). В этом смысле С. Бугославский идет вслед за В.М. Истриным, считавшим, что сам Сильвестр не вносил изменений в переписываемый текст.

[76] *Приселков М.Д.* Летописание западной Украины и Белоруссии // Приселков М.Д. История русского летописания. XI — XV вв. С. 286.

[77] Там же. С.284.

[78] Политический альянс Василька Теребовльского и Владимира Мономаха для современников совершенно очевиден: «… А Василко сего не ведаше и Володимеръ» (I, 258).

[79] В характеристике имеется явное сходство с более пространным некрологом отцу Мономаха Всеволоду Ярославичу (под 1093 г.). Подробнее о типологии и структуре летописных некрологов см.: *Пауткин А.А.* Характеристика личности в летописных княжеских некрологах // Герменевтика древнерусской литературы XI — XVI века. Сборник I. М., 1989. С. 231—246.

[80] Это противоречие в дальнейшем устранялось переписчиками. Так, в Ипатьевской летописи читаем: «Так есть любезнивъ» и т.д. (II, 238). На иные различия рассматриваемого текста в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях указывает В.А. Кучкин. (См.: *Письменные* памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: аннотированный каталог — справочник / под ред. Я.Н. Щапова. СПб., 2003. С. 61. А.А. Гиппиус, разделяющий взгляды М.Х. Алешковского и А. Тимберлейка, в связи с критикой шахматовской гипотезы о редакциях ПВЛ, предложил свою стратификацию статьи 6605 г., отличную от точки зрения А.А. Шахматова и его последователя М.Д. Приселкова. Панегирик Мономаху исследователь предположительно относит к так называемой «постсильвестровской» редакции ПВЛ (по Шахматову — третья редакция). Подобная локализация похвалы оправдана, но не дает объяснения явного ее сходства с традиционными летописными некрологами (см.: *Гиппиус А.А.* «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского» в составе Повести временных лет: к стратификации текста // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005, №3, С.15—16).